

С.А. Кабатов

Памятник русского средневековья Костромского Поволжья – селище Вёжи

Территориальные рамки Костромского Поволжья определяются устоявшимся в российской археологической литературе понятием (Рябишин, 1986. С. 5; «Археология Костромского края», 1997. С. 7) – оно охватывает основную часть Костромской области (костромской отрезок р. Волги), включает левобережную часть бассейна Волги от ее притоков Костромы, Солоницы и Костромской низменности на западе до р. Унжи и меридиональной излучины русла Волги на востоке. Его южная граница проходит по правобережью Волги в Костромской области и отчасти – приволжским районам Ивановской области, северная – по водоразделу Волжского и Северодвинского бассейнов. Очерченная территория совпадает с северной частью ареала так называемых костромских могильников, составлявших в эпоху развитого Средневековья отдельный регион древнерусской курганной культуры (Рябишин, 1986. С. 5).

Костромское Поволжье расположено в центральной зоне Русской равнины. Территория представляет собой холмистую равнину, рассеченную многочисленными речными долинами. В общем направлении с севера на юг область пересекает Галичско-Чухломская гряда, сформировавшаяся 23–13 тысяч лет назад на последней стадии Валдайского оледенения. Возвышенность служит водоразделом бассейнов рек Костромы и Унжи. К западу от нее простирается Костромская низменность, ныне практически полностью затопленная водохранилищем. Когда-то это была обширная луговая пойма, изобиловавшая озерами и протоками, затоплявшаяся в половодье водами Волги и Костромы (рис. 1). Описание Костромской губернии под 1861 годом так характеризует данную территорию: «...пространство состоит из низменной луговой равнины, покрытой озерами и наводняемой ежегодно весенним разливом, соединяющим свои воды с Волгою; только не многие возвышения, на которых расположены селения, выходят из разлива, во время которого, они кажутся как бы островами среди вод. Описываемое поемное пространство Костромского уезда, непосредственно соединяется с таковым же разливом Даниловского уезда Ярославской губернии, и составляет пространство в длину по р. Волге от г. Костромы до деревни Тимохиной, лежащей на луговой Ярославской дороге, около 35 верст, а в ширину около 25 верст. Разлив начинается с общим

движением весенних вод и продолжается вообще около 5 недель. Заканчивается разлив не ранее конца апреля, начала мая, иногда и не ранее первой половины июня». Там же упоминается некое озеро Вёжское, которое «... имеет до 2 верст длины, и от 450 до 650 сажен ширины; лежит близ погоста Вёж; имеет грунт дна и берегов иловатый и вязкий; глубина его от 1–3 аршин; грунт вязкий, берега отлоги и на половину закрыты лесом» (Кривошлюцкий, 1861. С. 44, 74). Точное местоположение этого озера определить затруднительно, поскольку на картах генеральных межеваний и Генерального штаба водоемы не всегда указывались достоверно.

Обширные пойменные и суходольные луга служили хорошей кормовой базой для животноводства. В Костромском Заволжье известны выходы болотной железной руды, особенно богатые по левым притокам р. Костромы: Андобе, Тёбзе, Вёксе Галичской и др. Это обстоятельство имело «большое значение для населения глухих лесных мест на протяжении последних трех тысяч лет. Не случайно кустарное производство железа из местной руды существовало почти до начала XX столетия» (Еремш, 1947. С. 39).

В 1952 г. в связи со строительством Горьковского водохранилища часть поселений Костромской низины была ликвидирована, жители переселены в другие населенные пункты. Затопленная часть низины (рис. 2), в составе водохранилища, в настоящий момент именуется местным населением «Костромским морем».

История проникновения русского населения в Костромское Поволжье археологически довольно плохо изучена. Все исследования сводятся к изучению материалов культуры костромских курганов (XI–XII вв.) – периода бытования субстратного населения в Костромском Поволжье – материалов, полученных в ходе работ на курганных могильниках во второй половине XIX – начале XX в. Археологические памятники, содержащие максимум информации о материальной культуре Костромского Поволжья (селища, городища) фактически не исследованы.

Заселение Костромского Поволжья славянским населением начинается с XI в. и протекает двумя потоками: с северо-запада (из новгородско-псковских земель) и юга (из ростово-суздальских). Первый поток начинался в новгородских землях, направляясь

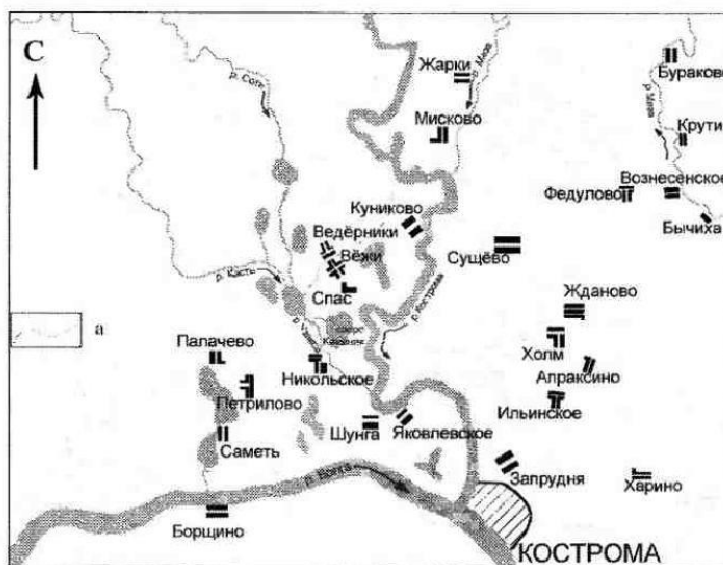

Рис. 1. Костромская низина до затопления (по материалам дореволюционного картографирования)
а – реконструкция русла р. Идоломки

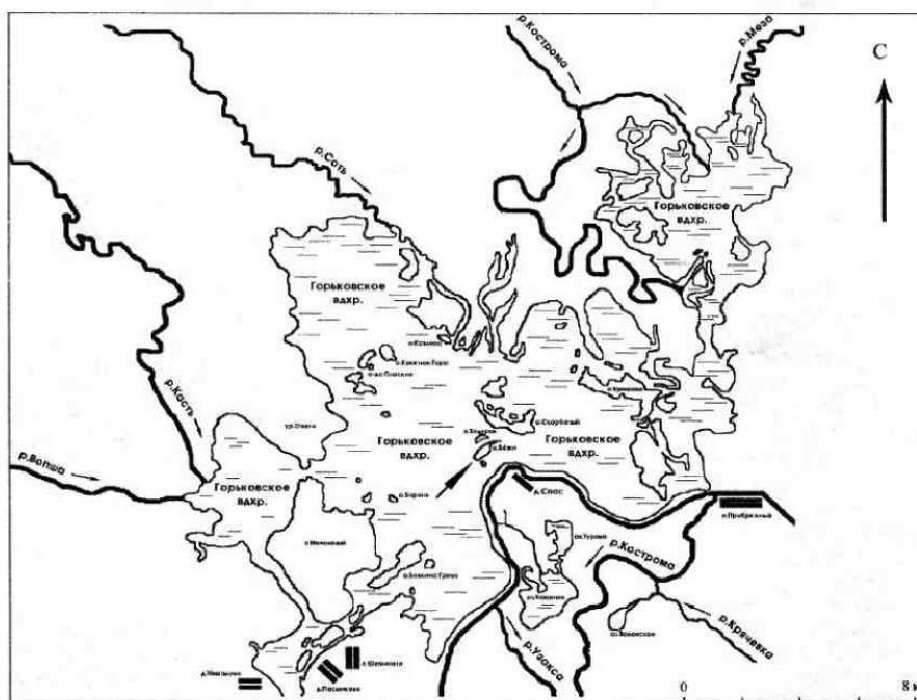

Рис. 2. Костромская низина после затопления. Ситуационный план местности.
Стрелкой указано местоположение острова Вёжи

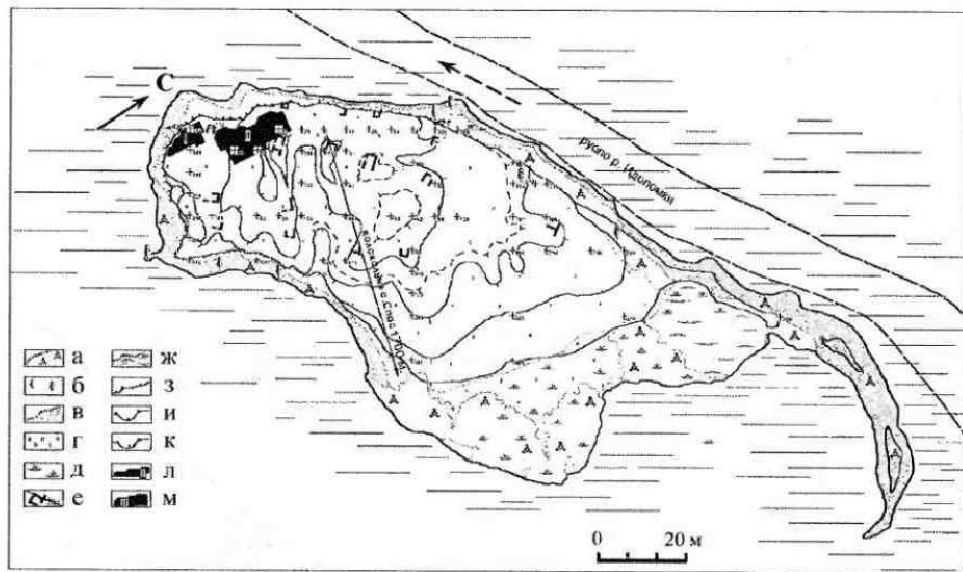

Рис. 3. Селище Вёжи. Ситуационный план

а – зона распространения кустарника; б – отдельно стоящие деревья; в – граница зоны размыва песчаного основания острова и культурных напластований; г – дерновое покрытие; д – заболоченные задернованные участки; е – остатки каменных фундаментов, нивелировочные отметки дневной поверхности; ж – граница заболоченной местности; з – граница осыпи; и – граница обрыва; к – горизонтали, бергштрихи; л – раскоп I; м – раскоп II. (Сечение горизонталей через 1 м)

в бассейны Сухоны, Северной Двины и Вычегды, и далее по р. Костроме. Знакомство новгородцев с этой речной магистралью документировано письменными источниками. Северо-западная колонизация достигла Костромского Поволжья в тот период, когда этот район, скорее всего, был ничейной территорией. О проникновении в Костромской регион новгородцев свидетельствуют архаические пласты лексики в современных северорусских говорах, восходящих, по мнению лингвистов, к эпохе начального славянского освоения края. Лексическая зона, отражающая новгородскую колонизацию, включает течение р. Костромы и бассейны Галицкого и Чухломского озер (Мельниченко, 1974. С. 90).

Путь южного колонизационного потока из Суздальского Ополя в Костромское Поволжье проходил через бассейн р. Клязьмы. Столкновение двух славянских потоков на территории Костромского Поволжья происходит в районе впадения р. Костромы в р. Волгу в XII – первой половине XIII в. в результате расширения ростово-суздальской территории. Оно привело к тому, что появление во второй половине или конце XII в. форпостов «низовской» колонизации – городов Костромы и Галича – закрепило рассматриваемую территорию за Ростово-Суздальской землей. Под прямым контролем владимирских князей оказался бассейн р. Костромы, служивший некогда путем продвижения новгородцев в Поволжье.

Именно в контактной зоне столкновения двух славянских колонизационных потоков находится селище Вёжи (Костромская низина, низовья р. Идоломки в бассейне р. Костромы). Селище изначально занимало выгодное положение на правом берегу дельты р. Костромы при впадении ее в р. Волгу (Кабатов, 1999; 2004б; 2008; 2009). Памятник был открыт в 1995 г. в ходе археологического обследования Костромского разлива Горьковского водохранилища. Селище изначально располагалось на дюнной возвышенности левого берега р. Идоломки, впадавшей до строительства Горьковского водохранилища в оз. Святое (вероятно, оно же Вёжское озеро) Костромской низины. Поселение относилось к приречному типу, будучи ориентировано по руслу р. Идоломки (ССВ-3ЮЗ), и было застроено по принципу прибрежно-рядовой планировки (рис. 3). В настоящее время в результате затопления низины водохранилищем памятник окружен водой, и его остатки представляют собой остров подковообразной формы, находящийся в 1,5–1,7 км от д. Спас. Западная часть памятника интенсивно разрушается весенними паводковыми водами и прибоем Горьковского водохранилища (рис. 4; рис. 5). В местах наибольшего разрушения, под раскопами I–II, нами в годы исследований были возведены берегоукрепительные частокольные линии (рис. 6), сдерживающие дальнейшее разрушение слоя в этих местах. Культурный слой памятника сложился из остатков

Fig. 4.1 ...

Fig. 4.2 ...

... ..

... ..

Рис. 7. Церковь Спаса Преображения

(ПВЛ. 1950. С. 240), но в указателе к изданию Лаврентьевской летописи в этом случае поясняется, что вежи Искоростеня – башни (ПСРЛ, 1926. С. 67). Другое употребление термина «вежа» как «башня» находим в статье под 1097 г., где пишется, что князь Давыд, осаждая Берестье, подступил к городу и стал под вежами (ПВЛ, 1950. С. 43). «В современном русском языке «вёжа» – (устаревшее) шатер, палатка; кочевой шалаш, юрта, кибитка. В западной губернии – башня, каланча. В Курской губернии «вёжка» – полевой шалаш, балаган, сторожка; в Новгородской – межа, грань, рубеж» (Даль, 1995. С. 175). Основное значение термина вежа в славянских языках – «башня», а по всей вероятности, и «жилище». В этом значении слово вежа отмечено в современных украинском, белорусском, польском, чешском, словацком языках (Фасмер, 1986. С. 285). Подобное может указывать на то, что термин вежа существовал еще в праславянском языке. Многочисленны сведения XII в., где употребление термина «вежи» часты в контексте об-

зора военных столкновений с половцами в значении половецкого лагеря, становища кочевников. В пользу этого говорят летописные статьи 1186 и 1215 гг., обозначающие об уводе пленников в кочевое становище. В русской письменности до XIV в. слово «вежа» имеет несколько значений. Чаще всего так назывались поселения и жилые постройки, в т. ч. передвижные у половцев и других жителей степей. В XIII в. «вежей» названа оборонительная башня в г. Холме. На севере Камско-Вятского бассейна в XIX в. русские называли «вежей» прямоугольную срубную постройку без потолка с крышей в виде двух несомкнутых скатов и с очагом посредине (неславянские народы использовали такие постройки в качестве летнего жилища). Есть мнение, что в лексикон славян термин и сам объект «вежа», обозначающий определенные конструкции, попадает от неславянских народов, ведущих полукочевой образ жизни (Шенников, 1930. С. 211).

Если следовать новгородской трактовке термина (население этих территорий участвует в колони-

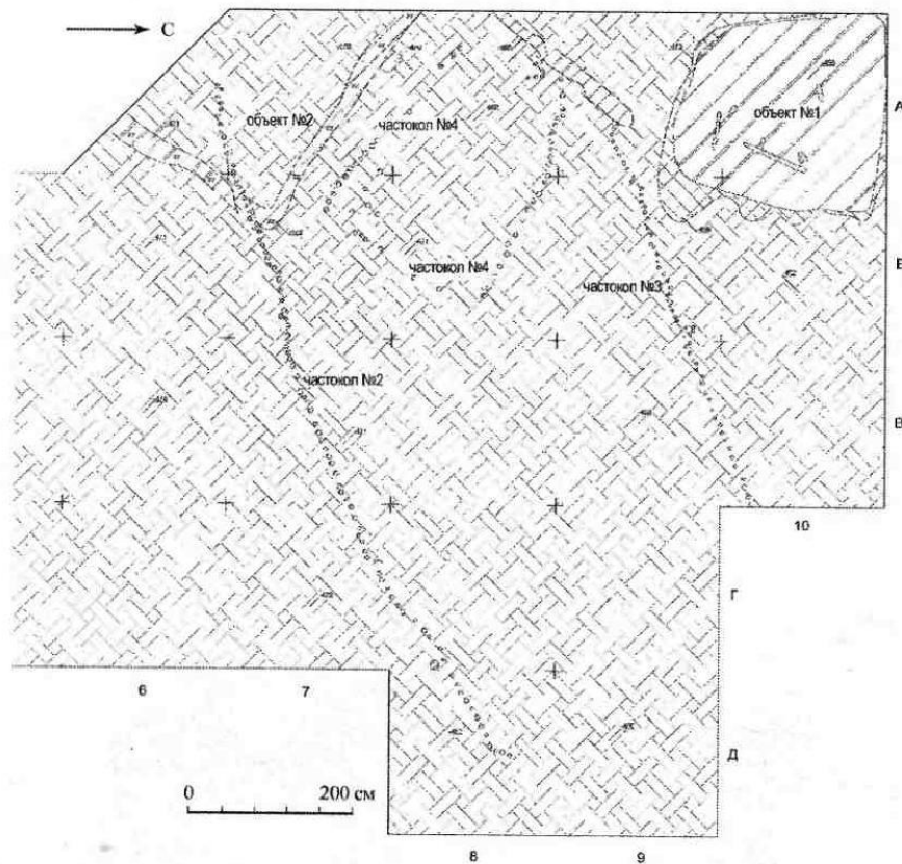

Рис. 8. Селище Вёжи. Раскоп I, зачистка на уровне материка (фиксация частокольных линий)

зации Костромского Поволжья), название селища вполне могло отображать ситуацию продвижения колонизационного потока новгородского населения. Другими словами, территориально поселение было основано на границе условных зон, в определенном смысле противопоставлявшихся друг другу. Наличие в предматериковом слое остатков частокольных линий (рис. 8) свидетельствует об усадебно-дворовой планировке (характерная особенность, прежде всего, городских центров). На социально-экономическую значимость памятника указывает выявленная серия металлических и кожаных изделий, дренажная система отвода грунтовых вод из жилой зоны селища, зафиксированная в слоях XV–XVIII вв., единственная

в своем роде для Костромского Поволжья (водоотводная система пока не известна ни на одном городском поселении Костромского края).

Подобные выводы оказались возможны благодаря археологическим исследованиям памятника (рис. 5), начавшимся в 1996 г. и продолжавшимся вплоть до 2004 г. Далее последовал перерыв до 2009 г., когда по государственному контракту с Департаментом культурного наследия археологические раскопки были возобновлены. Всего за это время на селище Вёжи был до материка вскрыт раскоп I (128 кв. м) и до яруса 6 включительно – раскоп II (312 кв. м)¹.

Раскоп I (рис. 8; рис. 9) был заложен в юго-западной части памятника и вытянут вдоль интенсивно разру-

¹ Селище Вёжи было открыто в 1995 г. в ходе археологического обследования Костромского разлива Горьковского водохранилища. В 1996–1998, 2000, 2002 гг. на памятнике проводились археологические раскопки под руководством С.И. Алексеева. В результате этих работ был полностью (до материка) вскрыт раскоп I и начаты работы на раскопе II (до половины 4-го строительного яруса). В 2003–2004 гг. КГУ имени Н.А. Некрасова завершил работы на раскопе II на уровне яруса 4. Продолженные в 2009 г. работы вскрыли 5-й и 6-й ярусы на втором раскопе (Кабатов, 2009).

Таблица 1. Ярусы селища Вёжи и обоснование их датировки

Ярус	Дата (основание для датирования)
0	Рубеж XIX–XX вв. (наличие оконного стекла, кирпича, других предметов, не имеющих распространение ранее, резиновая обувь и прочее)
1	Сер. XIX в. (наличие стеклянной посуды и кирпичей с клеймами этого времени, медная монета, керамический комплекс)
2	1-я пол. XIX в. (наличие стеклянной посуды и кирпичей, клейменных в этот период, керамический комплекс)
3	Кон. XVIII в. (керамический комплекс)
4	Сер. – 2-я пол. XVIII в. (керамический комплекс)
5	1-я пол. XVIII в. (керамический комплекс; височное в виде знака вопроса)
6	2-я пол. XVII в. (керамический комплекс)
7	Сер. XVII в. (комплекс индивидуального материала и керамический комплекс)
8	1-я пол. XVII в. (комплекс индивидуального материала, в том числе ключ от навесного замка (тип Д по Б.А. Колчину) и керамический комплекс)
9	Кон. XVI – нач. XVII в. (комплекс индивидуального материала и керамический комплекс)
10	Сер. XVI в. (комплекс индивидуального материала и керамический комплекс)
11	Нач. XVI в. (комплекс индивидуального материала и керамический комплекс)
12	Кон. XV в. (комплекс индивидуального материала и керамический комплекс)
13	Сер. – 2-я пол. XV в. (комплекс индивидуального материала и керамический комплекс)
14	1-я пол. XV в. (комплекс индивидуального материала, в том числе ключ от навесного замка (тип Д по Б.А. Колчину) и керамический комплекс)
15	Сер. XIV – нач. XV в. (комплекс индивидуального материала, в том числе ключ от навесного замка (тип Г по Б.А. Колчину) и керамический комплекс)

шающегося западного берега острова. Выбор участка под раскоп был определен также тем, что в 1996 г. в этой части памятника начал гореть пласт торфяника в составе культурного слоя и котлован раскопа должен был преградить проникновение огня вглубь острова. Культурный слой разбирался горизонтальными пластинами толщиной в 20 см, не всегда совпадавшими с теми или иными ярусами. Это объясняется тем, что и современный, и древний рельеф на территории раскопа понижался с севера на юг, поэтому конструкции одного яруса в разных концах раскопа могли сильно различаться по отметкам залегания. Культурный слой в раскопе зачастую имел однородный цвет, отчего стратиграфические прослойки выделялись лишь по материалу. В большинстве случаев столбовые ямы в плане прослеживались только по структуре забутовки (Кабатов, 1999, 2004б; 2008; 2009).

Раскоп II был заложен в 1999 г. с учетом рельефа местности в юго-западной части памятника и вытянут вдоль интенсивно разрушающегося западного берега острова, при этом западная стенка раскопа повторяет эту береговую линию (рис. 3). Между стенкой раскопа и береговой линией выдержано расстояние местами до 4 м. Раскоп II является продолжением раскопа I, размещаясь в 2 м к СВ от него. Нумерация ярусов, построек, индивидуальных находок, массового материала является сквозной и продолжает ранее начатую нумерацию. Методика работы также продолжила ранее начатую на первом раскопе.

Всего, на данный момент исследования, на селище Вёжи насчитывается 15 ярусов (табл. 1).

Ярусы считаются сверху вниз. Нижний, 15 ярус, датируется временем не ранее середины XIV в. Здесь был обнаружен железный ключ типа Г (по Б.А. Колчину) и посуда VI–IX типов классификации костромской гончарной керамики.

В результате археологических работ весь выявленный материал делится на несколько самостоятельных групп: постройки, дренажная система, керамический комплекс, элементы одежды, бытовой и ремесленный инвентарь.

Постройки

Даже в условиях хорошей сохранности дерева (какие имеются на селище Вёжи) остатки открываемых деревянных построек в большинстве случаев очень фрагментарны. Обычно постройки представлены только одним нижним венцом, да и тот не всегда бывает цельным. В верхних слоях дерево встречается в очень плохом состоянии, в основном из-за доступа кислорода. На раскопе I выявлено 26 построек и на раскопе II – 33 (без учета легких построек для скота и загонов). Однако чтобы определить динамику изменений в застройке на протяжении всей жизни поселения, пока можно использовать только материал с раскопа I.

Современные дома, приблизительно равные по площади с жилыми постройками селища Вёжи, обязательно имеют фундамент. Фундамент вообще – это элемент постройки, воспринимающий нагрузку стен и передающий ее на грунт. Но такое определение чаще применимо для каменных строений. В деревян-

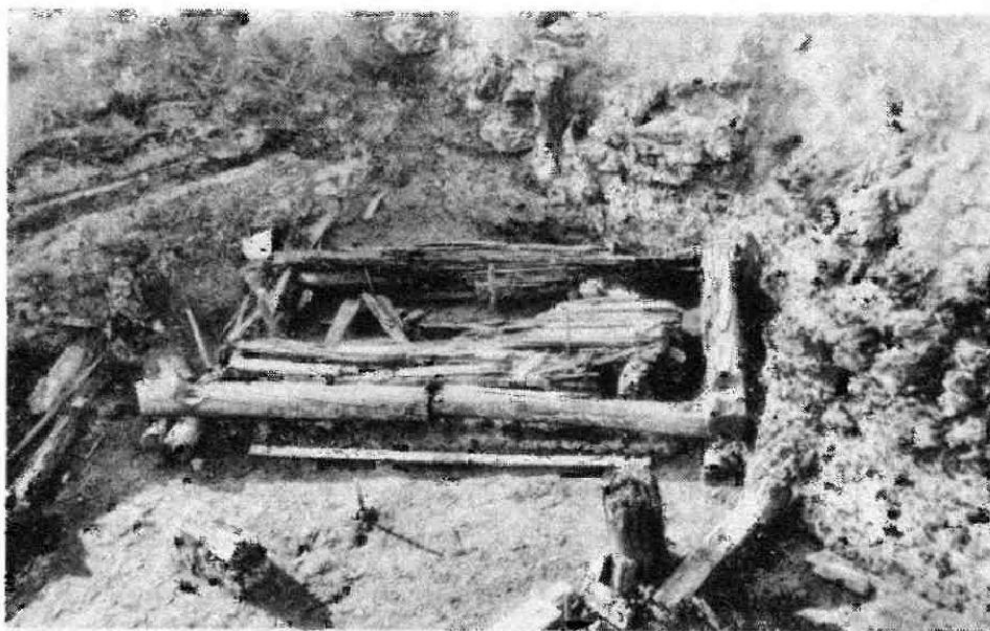

Рис. 9. Селище Вёжи. Раскоп I, ярус 9, постройка 16. Вид с ЮВ

ных постройках, даже имеющих несколько этажей, тяжесть стен настолько невелика, что прямой необходимости в устройстве фундамента нет. В настоящее время основная функция фундаментов деревянных построек – предохранять от гниения нижние венцы этих построек, поэтому конструкция фундамента как одноэтажной, так и двух- и трехэтажной постройки совершенно одинакова (Бламквист, 1956. С. 76). Фундамент как таковой в золотоордынское время здесь отсутствует. Его заменяют большие камни, врытые в землю, или обрубки бревен, пни («стулья», «стояки», «подстолбки»), также врытые в землю под углы сруба и под середину первого венца и выступающие над дневной поверхностью. Между ними забивались короткие бревнышки, доски или камни. Такой фундамент для утепления изнутри, а нередко и снаружи, засыпали землей («завалинка»). Эта традиция широко распространена в домостроении Новгорода Великого исследуемого времени (Засурцев, 1963. С. 12).

Подобный, простейший вид фундамента, был известен восточным славянам еще с XI–XII вв. Вместе с тем, сруб, в некоторых случаях, могли ставить и прямо на землю без подкладки стульев под первый венец. В местах с сильными разливами внешних вод, особенно по левобережью Волги, а также в низинах с заболоченными почвами жилые и хозяйственные постройки строили на высоких столбах-сваях (Зеленин, 1991. С. 290; Чижикова, 1997. С. 24). Подобные постройки в качестве экспонатов еще можно видеть в музее «Ипатьевский монастырь», в отделе «Деревянного зодчества» (рис. 10).

Несмотря на отсутствие фундаментов на селище Вёжи, тем не менее, довольно часто встречаются некоторые признаки их существования в прошлом (табл. 2). Такими признаками можно считать всевозможные подкладки из обрубков бревен и плах, уложенные под углами или под стенами построек. Известны случаи, когда под некоторыми стенами построек фиксируются остатки сплошных рядов подкладок. На раскопе I подкладки встречаются, начиная с 13 яруса (на уровне 14 и 15 ярусов срубных построек не обнаружено).

В свое время П.И. Засурцев, при обработке результатов археологических исследований Новгорода Великого, предложил классификацию фундаментов построек на основании характера их устройства: I группа – простейшие фундаменты, состоящие из нескольких подкладок под углами и стенами; II группа – более сложные фундаменты, состоящие из многочисленных подкладок или представляющие сплошные ряды таких подкладок под стенами построек (граница между этими двумя группами довольно условна); III – фундаментные площадки (Засурцев, 1959. С. 15).

На раскопе I селища Вёжи чаще встречаются конструкции с фундаментным подкладом I группы (табл. 2) – 5 случаев. Фундаментальные площадки нами пока не обнаружены. В двух случаях под одной из стен построек были вкопаны один-два столба. Фундаментный подклад I группы начинает проследиваться только с 13 яруса (середина – вторая половина XV в.) – в постройке 20 (рис. 11). Далее такие постройки

а

б

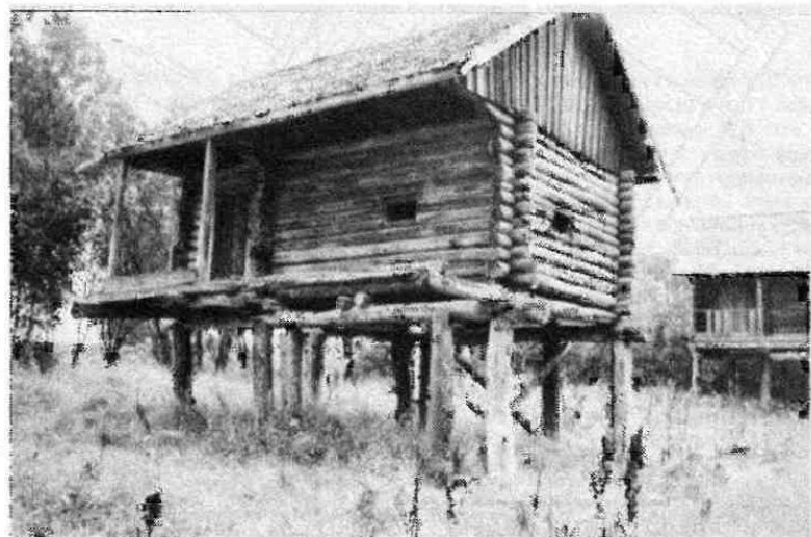

Рис. 10. Хозяйственные постройки Костромской низины на сваях – экспонаты бывшего КОИАМЗ «Ипатьевский монастырь», отдела «Деревянное зодчество»
а – ветряная мельница; б – амбар (?)

Таблица 2. Группировка построек по наличию фундамента.

Ярус	Дата	Количество построек	Из них			
			без фундамента	фундамент группы I	фундамент группы II	столбовой фундамент
5	1-я пол. XVIII в.	2	2	—	—	—
6	2-я пол. XVII в.	1	—	—	1	—
7	Ср. XVII в.	1	—	—	—	1
8	1-я пол. XVII в.	3	1	1	1	—
9	Кон. XVI — нач. XVII в.	3	1	1	—	1
10	Ср. XVI в.	1	1	—	—	—
11	Нач. XVI в.	1	—	1	—	—
12	Кон. XV в.	1	—	1	—	—
13	Ср. — 2-я пол. XV в.	1	—	1	—	—
14	1-я пол. XV в.	—	—	—	—	—
15	Кон. XIV — нач. XV в.	—	—	—	—	—
Всего		14	5	5	2	2

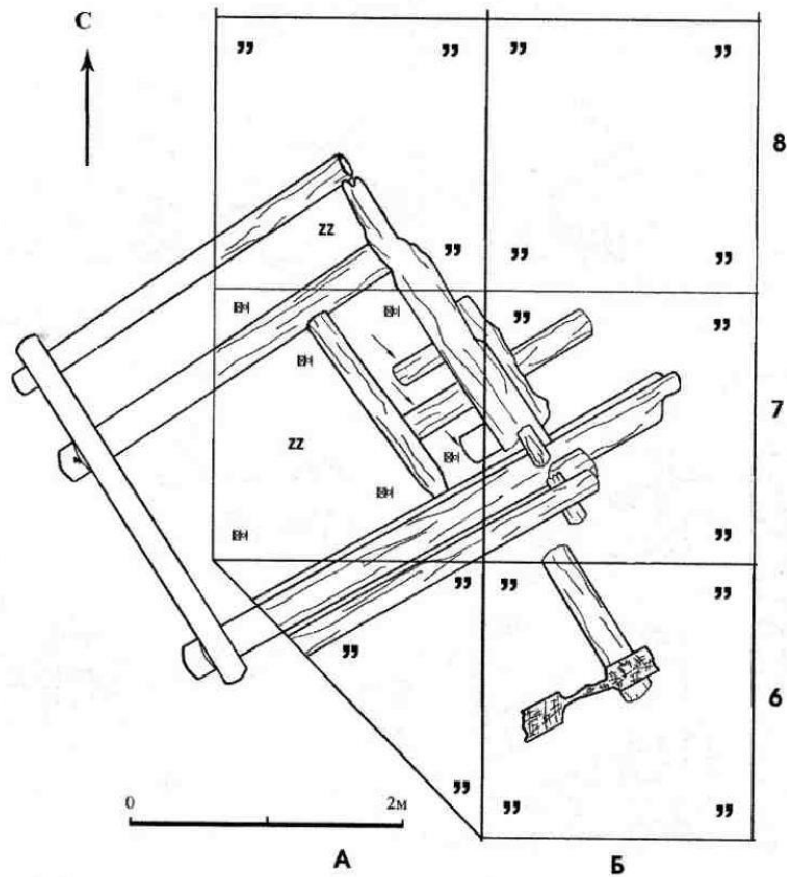

Рис. 11. Частичная условная реконструкция постройки 20. Селище Вёжи, Раскоп I, ярус 12

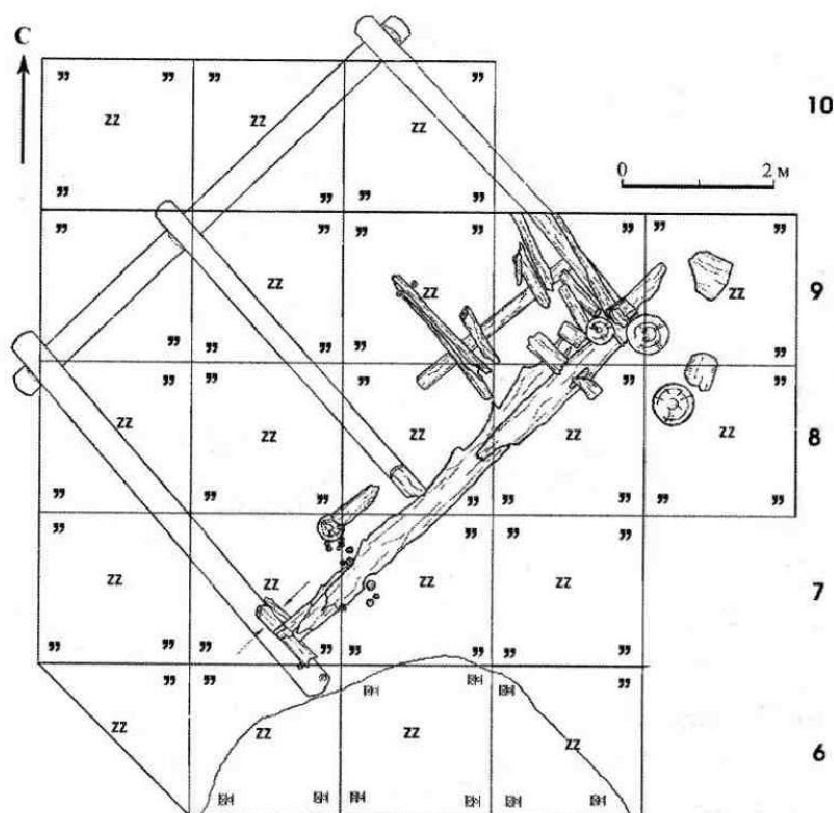

Рис. 12. Частичная условная реконструкция постройки 18. Селище Вёжи. Раскоп I, ярус 12

ки встречаются в ярусе 12 (конец XV в.) в постройке 18 (рис. 12). В середине XVI в. эта традиция как будто исчезает: нижние венцы постройки 17 покоятся прямо на дневной поверхности 10 строительного горизонта (рис. 13). Подклад вновь фиксируется с конца XVI в. – под постройкой 16 (рис. 14; рис. 9) и постройкой 15 первой половины XVII в. (рис. 15). Фундамент II группы впервые фиксируется с уровня первой половины XVII в. (8 ярус) под постройкой 14 (рис. 16) и под постройкой 10 (конец XVII – первая половина XVIII в.) 10 яруса (рис. 17).

Итак, подклад под жилищные постройки I группы используется с середины XV в. и доживает до первой половины XVII в. (13–8 ярусы включительно). Постройки, не имеющие какого-либо подклада, нижние венцы которых клались прямо на уровень дневной по-

верхности, появляются с конца XVI в. Фундаментные подкладки II группы фиксируются с середины XVI в. и доживают до второй половины XVII в. С конца XVI до середины XVII в. в двух случаях фиксируется постройки с использованием фундаментных вертикальных столбов, которые ставились или в углах построек, или в центре стенок под нижние венцы.

Стены. Почти все выявленные постройки на раскопе I селища Вёжи имели срубную конструкцию стен, и буквально единичные фрагменты свидетельствуют о применении столбовых конструкций². Срубные постройки рубились из бревен диаметром 18–29 см. Длина бревен построек колеблется от 3 до 9 м, причем пока не прослеживается никакой системы увеличения или уменьшения размеров жилищ (табл. 3). Размеры вёжских построек имеют широкий

² В домостроительстве Новгорода Великого назначение построек определяют по диаметру бревен. Для жилых построек использовались преимущественно бревна диаметром 22–24 см и выше, тогда как на хозяйственные шел более тонкий лес (18–20 см) (Засурцев, 1963. С. 18). В Великом Новгороде ни разу не было отмечено применения составных бревен в стенах построек. Такое допускалось только в хозяйственных постройках (Старая Ладога). Размеры построек увеличивались не путем увеличения размеров основной клетки, а пристройками к ней и образованием составных клеток – двойной, тройной и так далее (Забелин, 1987. С. 194).

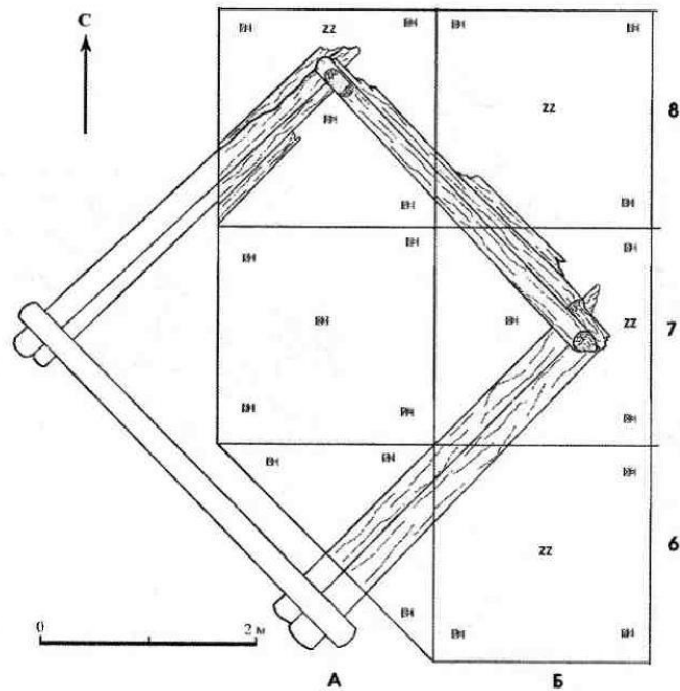

Рис. 13. Частичная условная реконструкция постройки 17. Селище Вёжи. Раскоп I, ярус 10

Таблица 3. Соотношение размеров построек.

Ярус	Дата	Постройка	Стенка	Длина (см)	Условная площадь (кв. м)
12	Кон. XV в.	20	СЗ	308	9,24
			ЮВ	300 (?)	
11	Нач. XVI в.	18	ЮВ	652	35,47
			ЮЗ	544 (?)	
			ЮЗ	380	
10	Сер. XVI в.	17	ЮВ	360	13,68
			ЮВ	428	
9	Кон. XVI – нач. XVII в.	16	ЮЗ	520 (?)	22,26
			ЮЗ	544	
		12в	СЗ	624 (?)	33,95
			СЗ	660 (?)	
			ЮЗ	720 (?)	
8	1-я пол. XVII в.	14	СЗ	480 (?)	34,94
			ЮЗ	728 (?)	
		12а	ЮЗ	615 (?)	56,10
			СЗ	912 (?)	
7	Сер. XVII в.	13	ЮВ	544	30,03
			ЮЗ	552	
6	2-я пол. XVII в.	12	ЮВ	592	36,94
			ЮЗ	624	
5	1-я пол. XVIII в.	10	СВ	488	29,28
			ЮВ	600 (?)	
		9	ЮВ	468	23,03
			ЮЗ	492	

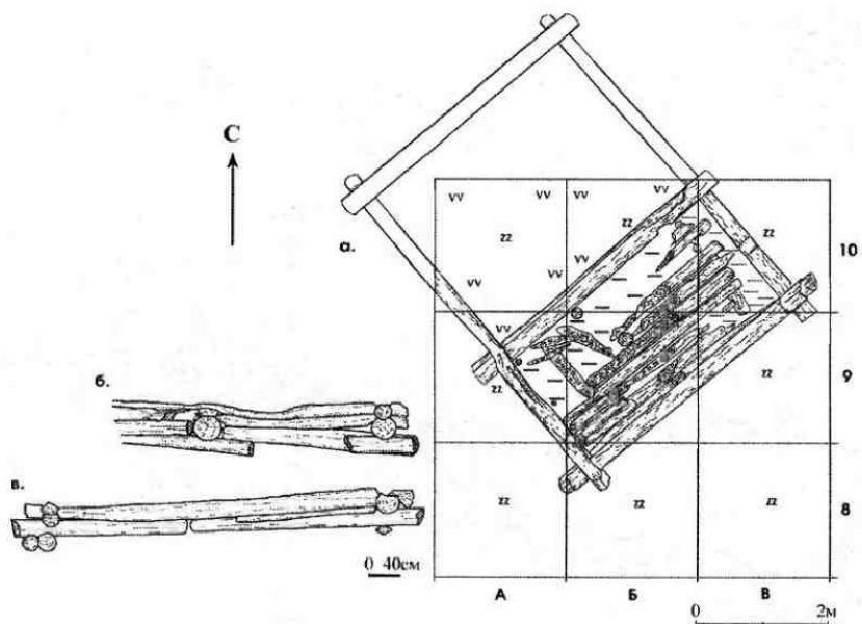

Рис. 14. Частичная условная реконструкция постройки 9. Селище Вёжи. Раскоп I, ярус 9
а – общий вид; б – юго-западная стенка; в – юго-восточная стенка

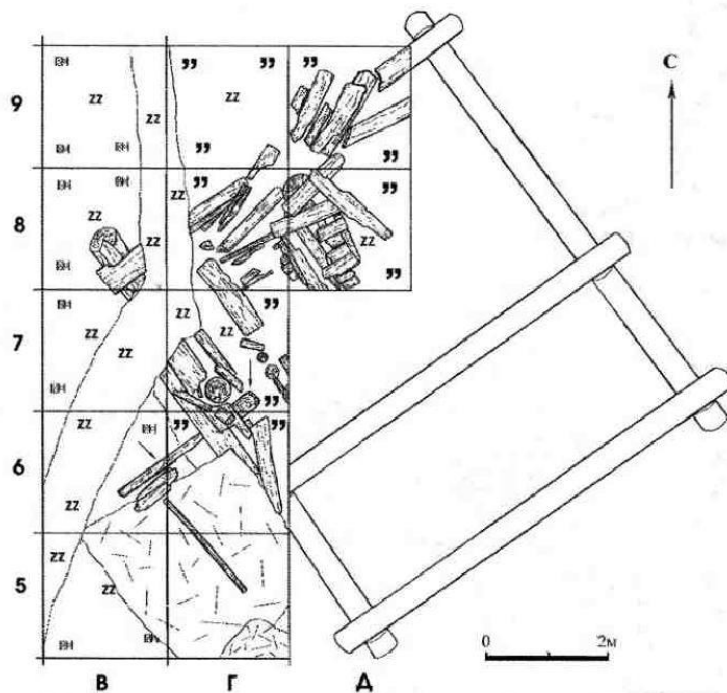

Рис. 15. Частичная условная реконструкция постройки 15. Селище Вёжи. Раскоп I, ярус 8

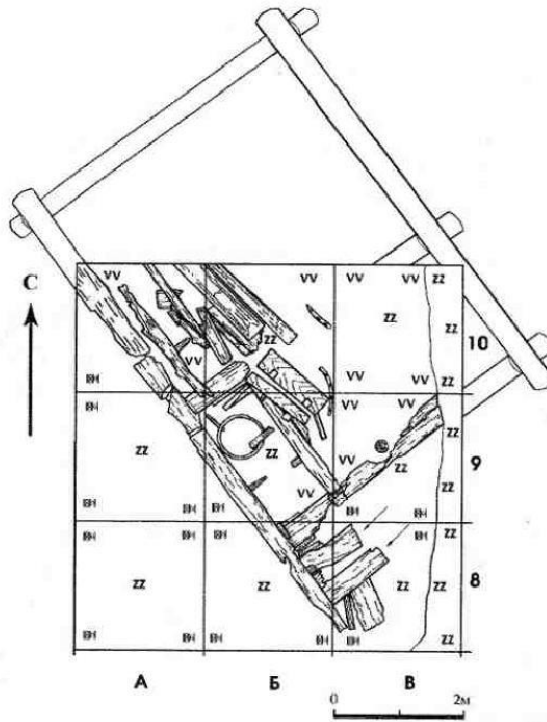

Рис. 16. Частичная условная реконструкция постройки 14. Селище Вёжи. Раскоп I, ярус 8

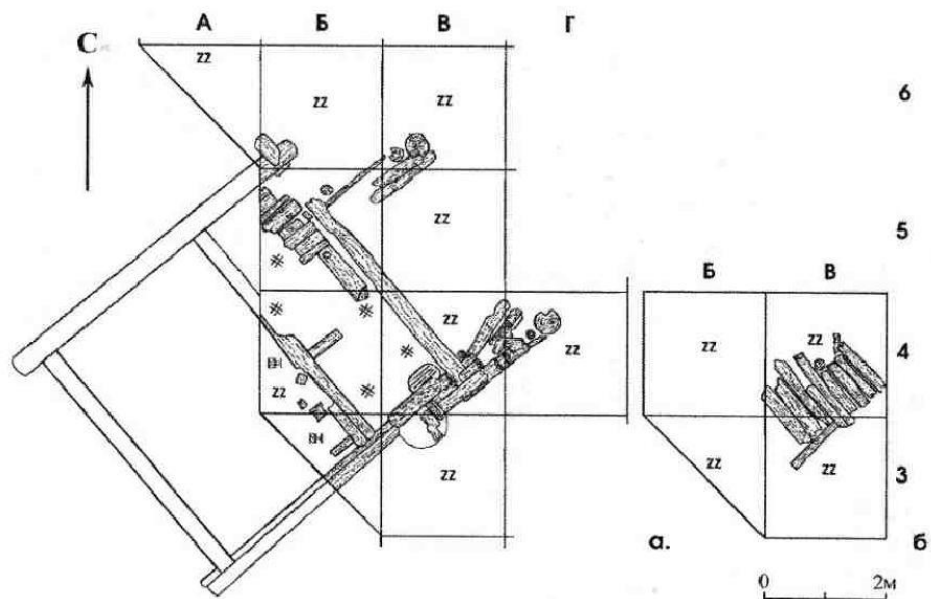

Рис. 17. Частичная условная реконструкция постройки 10. Селище Вёжи. Раскоп I, ярус 5
а – общий вид; б – фундаментный подклад под ЮВ стенку и южный угол

Рис. 18. Техника рубки венца в обло. Селище Вёжи. Раскоп II

диапазон – от 9 до 56 кв. м. В целом, наиболее устойчивая средняя площадь построек от 20 до 40 кв. м. Как правило, все размеры жилых конструкций колеблются в этих рамках. Вместе с тем, отмечены постройки меньшего размера – постройка 20 (9,2 кв. м) и постройки, превышающие средние показатели – постройка 12а (56,1 кв. м).

Для построек Костромского Поволжья в подавляющем большинстве случаев применялись хвойные породы: сосна, лиственница, ель, гораздо реже – ель, дуб (Донцов, Караськов, Щербинин, 1991. С. 9). Техника рубки стен на всех вёжских постройках одинакова – в обло с пазом и чашей сверху (рис. 18). Способ соединения бревен в венцы на углах сруба «с остатком» (в обло, в угол, в чашу, в простой угол) – наиболее простой и ранний. Концы нижних бревен сруба для увеличения площади опоры оставляли на значительно большую длину, нежели все остальные. Постройки на селище Вёжи, как правило, рубили на месте. Об этом свидетельствует обилие щепы и древесной коры на протяжении всего культурного слоя. Отсутствие меток на стенках срубов также говорит о том, что конструкции возводились непосредственно на месте.

Довольно часто постройки имели конструкцию «трехстенного прируба» (рис. 19), которая прослеживается практически на всех жилых постройках. Как правило, во всех случаях это усложненная конструкция, разделенная рубленой внутренней перегородкой на две камеры. Наличие деревянных по-

ловниц в большей камере ранних горизонтов может свидетельствовать о том, что она могла быть жилой, а сама постройка одноэтажной. Примерно с XVII в. постройки, сохраняя двухкамерность, становятся, вероятно, двухэтажными, причем первый этаж всегда нежилой, с залитым глиной полом.

Полы прослежены более чем в половине построек, чаще от них оставались только переводины. С конца XIV до первой половины XVIII в. перерубы для пола в обеих камерах, как правило, врубались одним концом во внутреннюю стенку, между вторым и третьим венцами, другим – в противоположную стенку. Врубка переводин в сруб производилась двумя способами: сквозной врубкой, когда между вторым и третьим или третьим и четвертым венцами (иногда выше) в облох бревнах противоположных стен вырубались сквозные окна, куда вставлялись концы переводин. Вторым способом – глухая врубка, при которой гнездо для переводины вырубалось целиком в одном венце, но вынималась только половина бревна, а вторая половина (наружная) оставалась на месте, закрывая концы переводин. Перерубы врубались поперек камер. При этом глиняная забутовка присутствует фактически везде. Вероятно, это гидроизоляционная подушка для пола и самой постройки. Настилы полов на Вёжах делались как из бревен, так и из досок (рис. 20). Доски были хорошо обтесаны с обеих сторон и имели толщину 4–5 см. Ширина досок соответствовала обычной толщине бревен, из которых сооружалась данная постройка, т. е. 22–24 см, редко больше.

Fig. 11.10. Stone structure built on the steep slope of the hillside.

Fig. 11.11. Stone structure built on the steep slope of the hillside.

Table 1. Research design

No.	Scenario	Risk	DFA		
			Control group	Experimental group	Control group (n=10)
1	Scenario 1	High Risk	Control	Experimental	Control
2		High Risk	Control	Experimental	Control
3		High Risk	Control	Experimental	Control
4	Scenario 2	Low Risk	Control	Experimental	Control
5		Low Risk	Control	Experimental	Control
6		Low Risk	Control	Experimental	Control

control groups to assess potential effects. Participants were randomly assigned to either the control or experimental group.

The study involved several phases. First, participants received a brief overview of the study's purpose and procedures. They were then randomly assigned to either the control or experimental group. The control group received a standard risk assessment tool, while the experimental group received a tool that included a risk visualization component. Participants completed the assessment tool, and their responses were recorded. The data were then analyzed to determine the effects of the risk visualization component on risk perception and decision-making. The results showed that the experimental group had a significantly higher risk perception score compared to the control group. This suggests that the risk visualization component effectively increased participants' awareness of the risks associated with the scenario.

Statistical analysis was conducted using SPSS software. The results are presented in the following table.

Table 2. Results of the risk perception assessment. The table shows the mean scores for the control and experimental groups across the six scenarios. The control group consistently scored lower than the experimental group, indicating that the risk visualization component effectively increased risk perception. The difference was most pronounced in Scenario 1, where the experimental group scored significantly higher than the control group.

Figure 1. Line graph showing the mean risk perception scores for the control and experimental groups across the six scenarios. The x-axis represents the scenario number, and the y-axis represents the mean score. The experimental group consistently scores higher than the control group, with the largest difference occurring in Scenario 1.

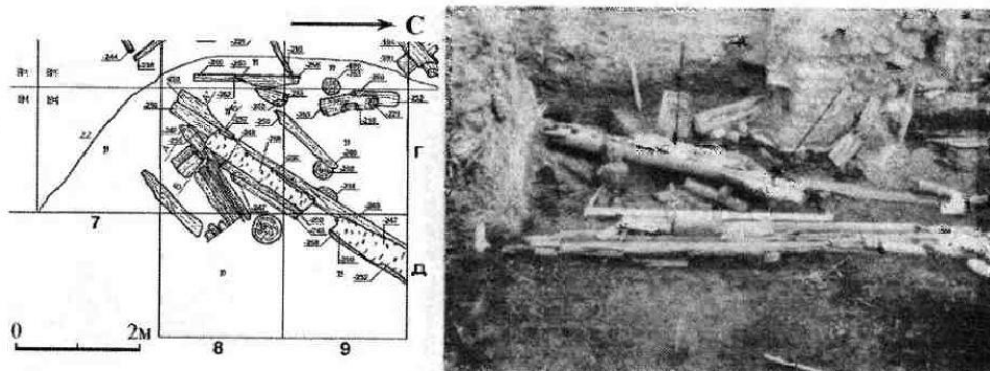

Рис. 21. Фрагмент водоотводного желоба. Селище Вёжи. Раскоп I, ярус 9. Вид с запада

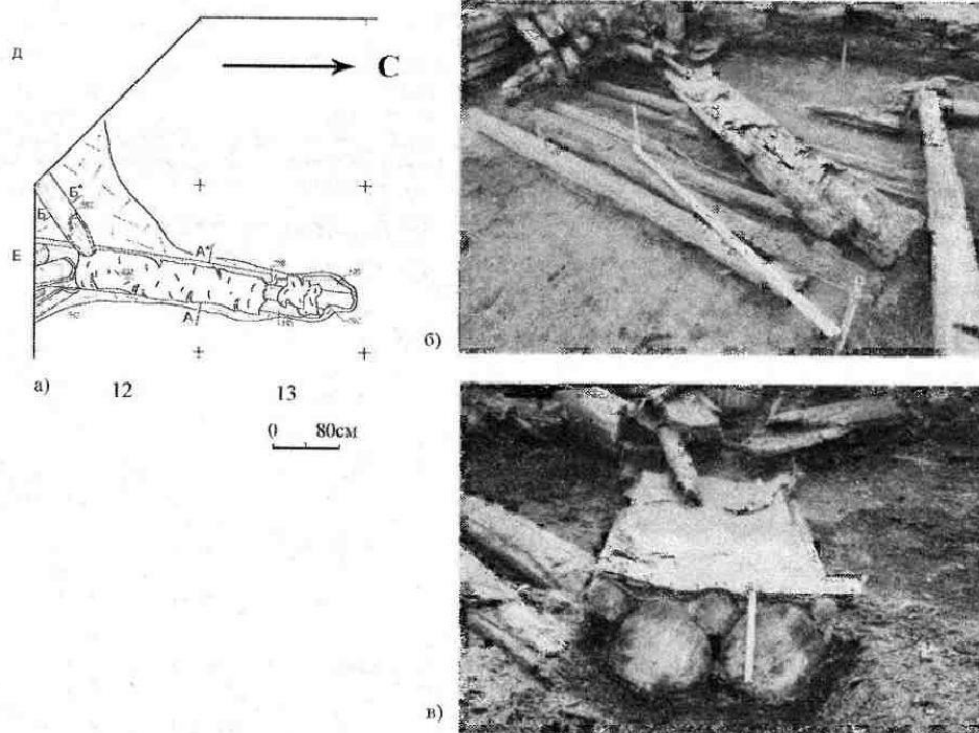

Рис. 22. Водоотводный желоб (объект № 29). Селище Вёжи. Раскоп II, ярус 4
а – фрагмент яруса 4; б – вид с ССВ; в – сечение по линии А-А* (вид с севера)

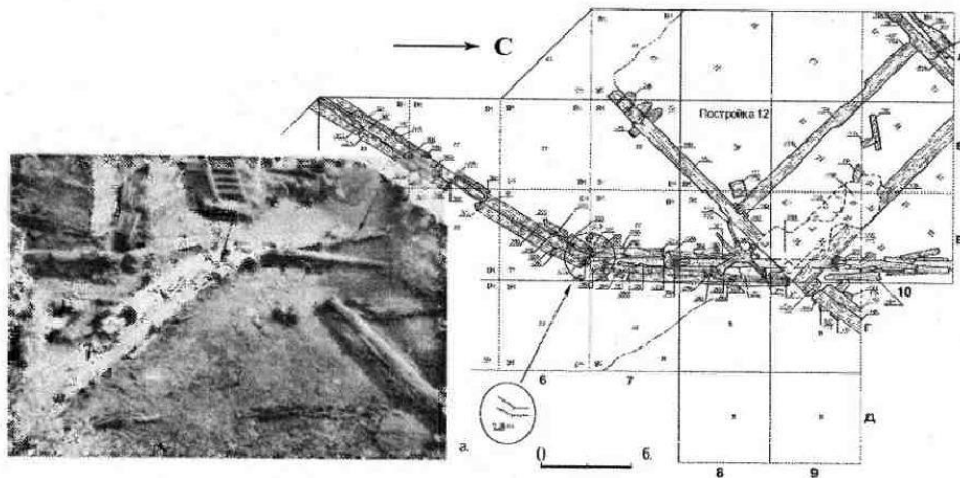

Рис. 23. Дренажные магистральные трубы. Селище Вёжи. Раскоп I, ярус 8
а – вид с севера; б – фрагмент яруса 8

2001. С. 137–138). Обилие органики в слоях выше и ниже уровня стока позволяет предположительно определить его назначение как хозяйственное. Подобные водоотводные стоки из построек для скота известны по новгородским аналогиям. Такие желоба не подключались к магистральным трубам, а грунтовые и сточные воды поступали из них в глубокие плотительные колодцы без дна. Из последних, как правило, вода уходила в грунт (Медведев, 1956. С. 211). Специфика грунта поверхности яруса 9 на уровне зачистки в конце водоотвода позволяет предположить наличие такого поглотительного колодца и в нашем случае. Время использования данного водоотвода по керамическому комплексу, датирующему ярус 9, относится к концу XVI – началу XVII в.

Все зафиксированные водоотводные элементы имеют уклон в южную сторону, вследствие характера местности. Отсутствие изоляционного материала на всех водоотводах, на наш взгляд, можно объяснить упрощенной прокладкой дренажной системы. Местной особенностью соединения дренажных звеньев является полное отсутствие какого-либо изоляционного материала (бересты) в месте стыка. Уклон всей дренажной системы, при общей длине труб 912 см, составляет 17 см. Относительно дневной поверхности времени бытования 8-го строительного горизонта, водоотводные трубы залегают на глубине от 94 до

75 см (Кабатов, 2001. С. 139). Комлевые концы обеих труб направлены к истоку. Подобная закономерность прослежена на всех известных водоотводных трубах древнего Новгорода (Медведев, 1956. С. 217). В Новгороде подобное упрощение прокладки дренажа появляется с конца XVII – начала XVIII в., когда берестой начинают обертывать лишь швы на стыках отдельных звеньев (отрезков трубы) и швы в местах присоединения к магистрали отводных труб (Медведев, 1956. С. 222). Вполне возможно, что дренажную систему не оборачивали берестой, чтобы позволить допуск в трубы сточных вод с прилегающей территории через соединительные швы. В пользу этого свидетельствует уровень дневной поверхности времени прокладки дренажа, который в Вёжах всегда имеет уклон к водоотводу с двух сторон, что позволяло воде стекать в незасыпанную канаву с водоотводом.

Керамический комплекс

Керамика на селище Вёжи представлена глиняной гончарной посудой, в основном кухонной (всего на раскопе I собрано 8 тыс. обломков), целых сосудов обнаружено не было, в развалах найдено менее десятка. Керамика раскопа I изучена с предметникового слоя конца XIV в. Вся керамика представлена посудой VI–XI типов костромской гончарной керамики (рис. 24)⁵.

⁵ Первые попытки датировки керамического комплекса Костромской земли были предприняты С.И. Алексеевым (1995 б; 1998; 1999; 1999 б). Его классификация построена на основе археологических материалов г. Костромы и соотносится с классификацией новгородской керамики. В основе классификации костромской гончарной керамики лежит вариативность формы венчика с учетом состава глиняного теста, обжига, орнамента. По утверждению Г.П. Смирновой, состав теста – второстепенный признак классификации, т. к. он обусловлен сырьем (Смирнова, 1956. С. 228–248). Вся ранняя керамика из-за недостаточного обжига имеет серый или буроватый цвет. Для уточнения хронологии в качестве дополнительных реперных серий находок нами были привлечены металлические изделия (ножи, топоры, замки, ключи), кожаные изделия и техника домостроительства (Кабатов, 1999, 2004б, 2008, 2009; Алексеев, 2001).

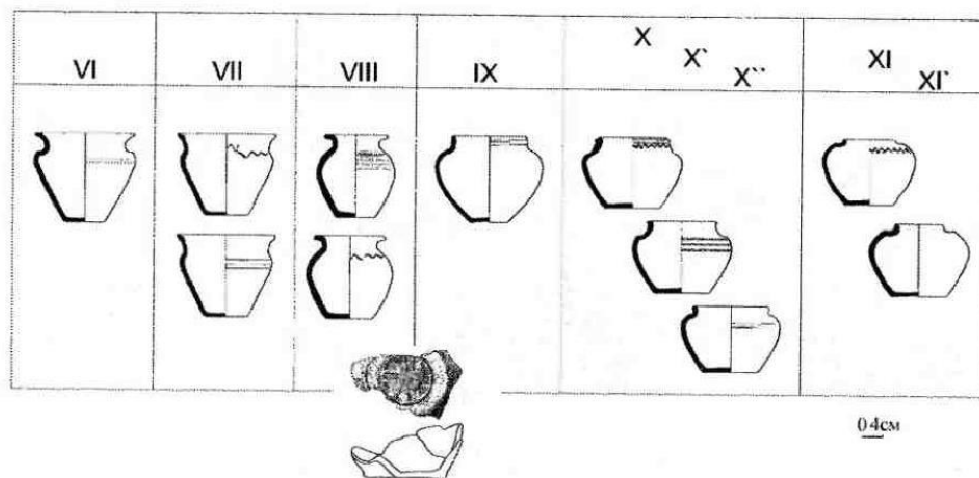

Рис. 24. Типы керамики селища Вёжи

О местном производстве посуды могут свидетельствовать находки бочарок, деревянных ножей и их обломков для обтачивания и заглаживания поверхностей (рис. 25)⁶, а также данные этнографии (сообщения старожилов Вёж, по словам которых сырье в XX в. было привозным — из Ярославской губернии).

При изготовлении керамики на селище Вёжи сырьем выступала тощая ожелезненная глина с различными примесями. В XIV–XV вв. на днищах часто встречаются следы подсыпки (песок, дресва, зола). Горшки изготовлены из глины с примесью крупнозернистой дресвы и песка, реже — органики. Встречаются обломки горшков, изготовленных из неожелезненной глины с естественной примесью песка (зерна менее 0,5 см). Обжиг чаще всего неравномерный, черепок в изломе трехслойный. Цвет черепка колеблется от кирпично-красного до коричневого и черного. Внешняя и внутренняя поверхность имеет следы заглаживания мягким предметом.

В XV в. постепенно начинают использовать запесоченную глину, причем со временем процентное содержание песка уменьшалось, уже без примеси дресвы, только с органикой. В XVI в. искусственные примеси в тесте исчезают (с появлением керамики X типа). По способу изготовления практически вся посуда изготовлена скульптурной лепкой, с последующей обточкой на гончарном круге. Наиболее распространенным видом керамической посуды на селище Вёжи являются горшки, которые изготавливались при помощи спирально-жгутового налепа. Вид начинка — донно-емкостный, составной. Сосуды изготовлены на уровне РФК 4–5 (по А.А. Бобринскому). Программа формирования полового

тела — донно-емкостная. Способ обработки поверхности: заглаживание руками или деревянным инструментом. С XVI в. получает широкое распространение техника лощения, что подтверждается наибольшим числом фрагментов чернолощеной керамики, зафиксированных в слое десятого строительного горизонта. Орнаментация не отличается разнообразием, чаще всего используется линейный (многоряд, толщина линий 0,1–0,5 см, расстояние между линиями 0,2–1,6 см) и волнистый орнамент, иногда орнамент присутствует в виде косых и овальных насечек. Фиксируются и такие виды орнамента как волна, сочетание волны и линейного многоряда. Оттиски штампа, насечка, лунковидные вдавления и их сочетания с линией встречены редко. Печные горшки орнаментировались редко. Основными орудиями для нанесения орнамента служили деревянный нож, заостренная палочка или гребенка. После изготовления посуда тщательно просушивалась. Затем происходил обжиг в домашних печи.

В предматериковом слое второй половины XIV в. были найдены два обломка посуды I–II типов костромской керамики. Это сероглиняная ранняя керамика с высокой шейкой. Одновременно фиксируется посуда III–VII типов. Это посуда из тощей ожелезненной глины с примесью крупной дресвы и органики в тесте. Вся керамика этого времени характеризуется высокой вертикальной или отогнутой наружу шейкой (Кабатов, 2004а. С. 20). В городских слоях такая керамика датируется следующими реперными находками: овальные кресала типа III по Б.А. Колчину, навесные замки и ключи к ним типа В (Колчин, 1959. С. 87, 101. Рис. 70, 84), фрагменты стеклянных

⁶ В слоях с 10-го по 2-й ярусы. Все они, как правило, находились вне конструкций, но в непосредственной близости к ним (дворовая территория).

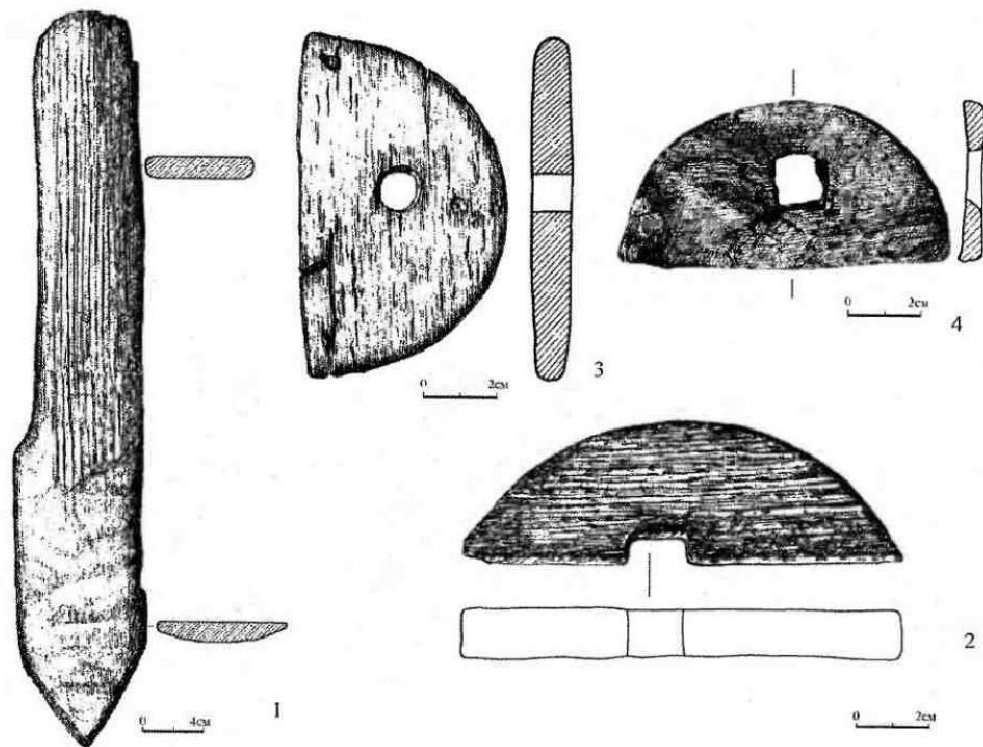

Рис. 25. Деревянные инструменты для обработки керамической посуды. Селище Вёжи
1 – нож для обтачивания поверхности; 2–4 – бочарки

браслетов. Появляются сосуды типа VIII, основное отличие которых от предыдущих – изменение постановки венчика и некоторое уменьшение размеров (рис. 24). В городских слоях они встречаются с такими реперными находками как навесные замки и ключи к ним типа В-II по Б.А. Колчину и кресала типа III по Б.А. Колчину, так называемые овалы (Колчин, 1959. С. 87, 101. Рис. 70, 84). На селище Вёжи посуда восьмого типа была зафиксирована в 15–13 ярусах раскопа I (Кабатов, 2004а. С. 20–21).

В XV в. продолжает бытовать посуда седьмого и восьмого типов (рис. 24). В конце XV в. появляются красно- и сероглиняные сосуды с невысокой цилиндрической шейкой, плавно переходящей в округлое тулово (тип IX по костромской классификации). На селище Вёжи эта посуда встречается в 13–9 ярусах. Слои этого времени датируются находкой в ярусе 9 ключа от навесного замка типа Д середины XIV – середины XV в. (Колчин, 1959. С. 87. Рис. 70).

В XVI в. в употреблении была керамика IX типа и производное ее развития – тип X. Это красно- и сероглиняная керамика без искусственных примесей. Сосуды имеют невысокую вогнутую шейку, округлое выпуклое тулово с небольшим расширением в

верхней трети и часто обработаны в технике лощения (рис. 24). В этот период получают распространение блюда серого или оранжевого цвета (серого в изломе), изготовленные из тощей ожелезненной глины с примесью органики. Диаметр по венчику от 18 до 43 см. В Новгороде Великом блюда подобной профилировки появляются в XIV в., в Костроме они были распространены в XVI–XVII вв.

В XVII в. еще бытует керамика типа X и появляется посуда XI типа. Это горшки без выраженной шейки, с округлым туловом (рис. 24). Характерный переход от шейки в плечико через ребро появляется в Новгороде Великом в XV в., в Костроме такая профилировка плечика бытует до начала XVIII в. В городских слоях это самая распространенная керамика.

Еще одной характерной чертой керамики являются клейма на днищах. В строительных горизонтах XV в. (12 ярус) было найдено клеймо в виде креста в круге (рис. 24). Подобные клейма на сельских поселениях Костромского Поволжья – довольно редкое явление и на других памятниках (кроме селища Вёжи) пока нигде не были зафиксированы. Здесь же известно еще четыре клейма, но, к сожалению, все они из подъемного материала (Кабатов, 2004а. С. 22–23).

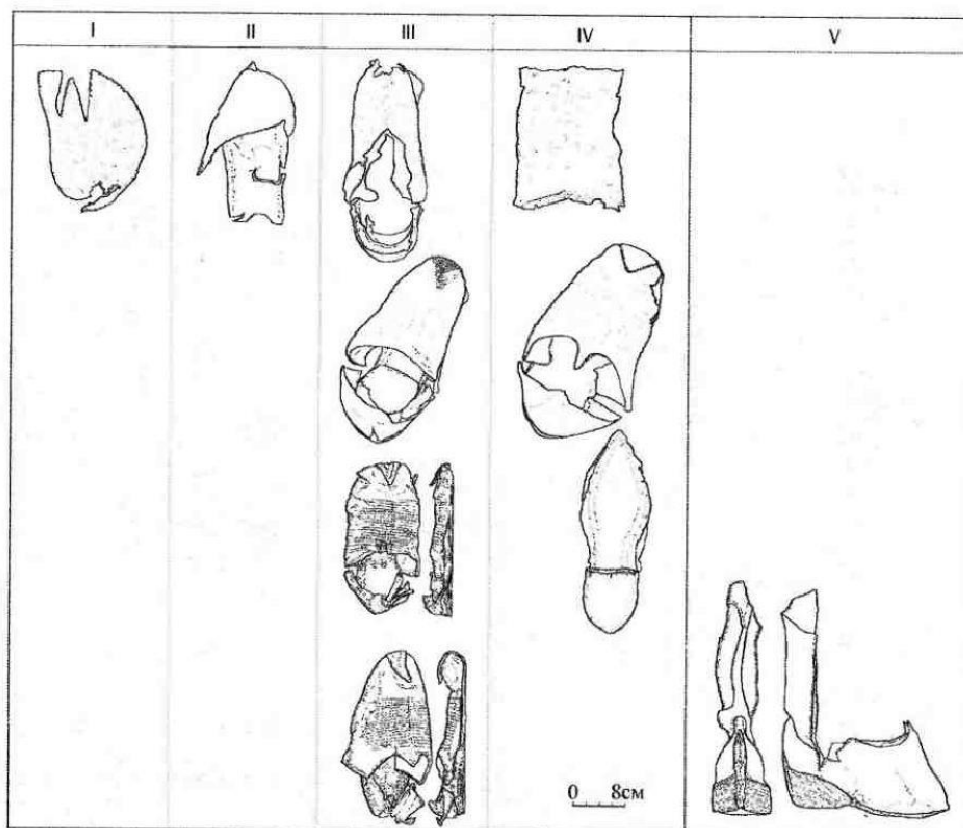

Рис. 26. Типы обуви. Селище Вёжи

1 – поршни; 2 – мягкие туфли; 3 – мягкие туфли ажурные; 4 – полусапожки; 5 – сапоги

Элементы одежды

Из всего комплекса костюма жителей селища Вёжи на данный момент представляется возможным выделить пока только вещи, сделанные из кожи. Весь выявленный комплекс кожаных находок представлен фрагментами обуви (иногда целыми экземплярами) и другими единичными находками (кошелек). О распространении на Вёжах животноводства свидетельствует обилие органики в культурном слое, остатки стойл для скота, а также обилие костей домашних животных (Кабатов, 1999; 2004б; 2008; 2009; Алексеев, 2001). В письменных источниках встречаются свидетельства об обильных заготовках сена жителями «погоста Вёжево» для собственных нужд и для продажи («Акты...», 1998. С. 175). Развитие скотоводства в Костромском Поволжье способствовало возникновению отдельных отраслей ремесленного производства, связанных с обработкой сырья и использованием его для различного рода изделий (кожевенное, сапожное, овчинное, скорняжное, косторезное и др.). Сырьем для костромских кожевников

служили шкуры лошадей, крупного и мелкого рогатого скота.

В материалах из раскопок селища Вёжи выделяются четыре типа обуви: поршни, мягкие туфли, полусапожка, сапоги (рис. 26). На Вёжах были найдены только два поршня. Мягкие туфли, судя по размерам, принадлежали взрослым мужчинам: длина этой обуви 25–28 см, высота 12–16 см. Наряду с простыми, были обнаружены несколько хорошо сохранившихся экземпляров ажурных туфель с длиной подошвы 31 см. На одном экземпляре с селища Вёжи геометрический узор представлял собой тиснение на головке в виде центральной линии, которая шла от выреза ноги к носку туфли, а к нему с обеих сторон примыкали более или менее параллельные ряды, шедшие от краев головки (Кабатов, 2006. С. 72–73, Рис. 3, 1). Полусапожки – это фактически обычные сапоги, только с более короткими голенищами (14–15 см высотой). Сапоги – наиболее сложный по изготовлению вид обуви. Одна из характерных особенностей голенищ вёжских сапог – их относительно небольшая высота (17–20 см). Большинство голенищ шивалось по бокам тачным швом из двух частей. Верх-

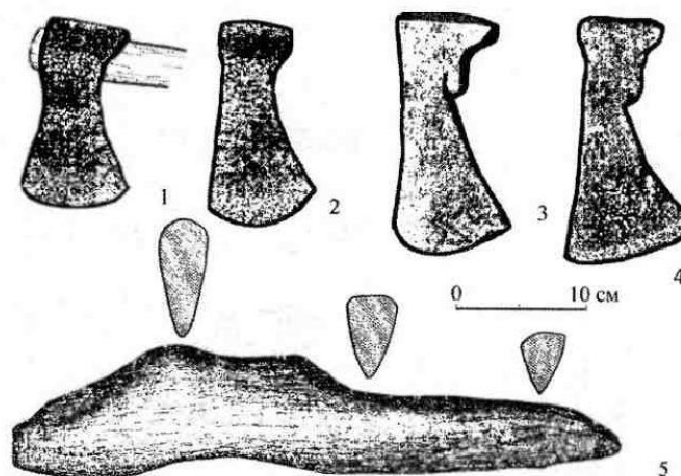

Рис. 27. Топоры селища Вёжи конца XIV – начала XVI в.
1–4 – топоры; 5 – топориче

няя часть голенища делалась шире нижней. Сапожные головки известны двух видов: тупоносые и остроносые с приподнятым носком. Длина головок от 13 до 24 см (Кабатов, 2006. С. 74–75. Рис. 3, 4). Тупоносые головки изготавливались из простых грубых сортов кожи, а остроносые – из более мягких и тонких. Все головки имели поднаряд, пришитый без сквозных проколов. На Вёжах все поднаряды составные из двух равных половинок (Кабатов, 2006. С. 74–75. Рис. 4, 2б). В скреплении верха обуви с низом были различия, которые зависели от толщины материала головки и подошвы. Толстокожие переды обуви пришиты к низу простым наружным швом, все остальные скреплялись внутренним швом. Верхний край переды сапога, простой или фигурный, обуславливал кривизну выреза голенища, а также угол скоса внутреннего края наружного задника. Поверхность остроносых головок на среднем этапе золотоордынского времени украшалась тиснением в виде параллельных полос (Кабатов, 2006. С. 74–75. Рис. 3, а; рис. 4, 2а) или рядами гвоздиков с небольшими округлыми шляпками. Задник у всех сапог, обнаруженных нами, был двойной и состоял из двух кусков кожи (Кабатов, 2006. С. 74–75. Рис. 3, 4 в–ж), сшитых с внутренней стороны потайным швом. Нижние края задников отгибались наружу и крепились к подошве обычным наружным швом (Кабатов, 2006. С. 74–75. Рис. 3, 4 в–г; рис. 5, 1–2). Иногда, для большей прочности задник сверху прибивали к многослойной пятке декоративными маленькими гвоздиками. В одном случае удалось обнаружить экземпляр, где задник, кроме того, что был пришит к подошве, еще был прибит и снизу (Кабатов, 2006. С. 74–75. Рис. 3, 5). От внешнего вида головки зависела форма подошвы. Нам известны остроносые и тупоносые подошвы. Как правило, все подошвы составные и состоят из нескольких (до трех) слоев кожи. Для того чтобы предотвратить изнашивание пе-

редней и задней частей подошвы, а также расслаивание пластов кожи, подошвы в этих местах подбивали металлическими гвоздями с широкими круглыми шляпками (Кабатов, 2006. С. 74–75. Рис. 5, 2–3; рис. 3, 5–6). Высота таких гвоздей оставляла 1,0–1,5 см, диаметр шляпки 0,3–0,7 см. В сечении гвозди были квадратными. Набойки на каблуки в виде железных скобок известны по вёжским материалам с конца XIV в. Толстые подошвы скреплялись с головкой и задником комбинированным способом: до пятки внутренним выворотным швом, на пятке наружным (Кабатов, 2006. С. 74–75. Рис. 3, 4б, 5–6; рис. 5, 4–5). В вёжских материалах кожаные сапоги появляются с конца XIV в., и почти все их подошвы имеют наборные составные каблуки.

Обувь конца XIV в. представлена поршнями, мягкими туфлями, полусапожками, сапогами. В XV в. полусапожки выходят из употребления. В XVI–XVIII вв. поршни исчезают. Сапоги в это время самый распространенный вид обуви (Кабатов, 2006. С. 75–76).

Металлические изделия

Изделия из металлов, найденные на селище, можно разделить на несколько групп: топоры (рис. 27), ножи (хозяйственные, столовые, бондарные, косторезные, сапожные, «засапожники») (рис. 28), кочедыки (рис. 29), ножницы, светцы, навесные замки и ключи к ним (рис. 30).

Селище Вёжи, как памятник археологии Костромского Поволжья, являет собой уникальный образец поселения русского Средневековья. Хорошая сохранность слоя выделяет селище из ряда подобных памятников. Материал, выявленный в результате многолетних исследований, впервые позволил составить объемное представление о средневековой материальной культуре сельского населения данного региона.

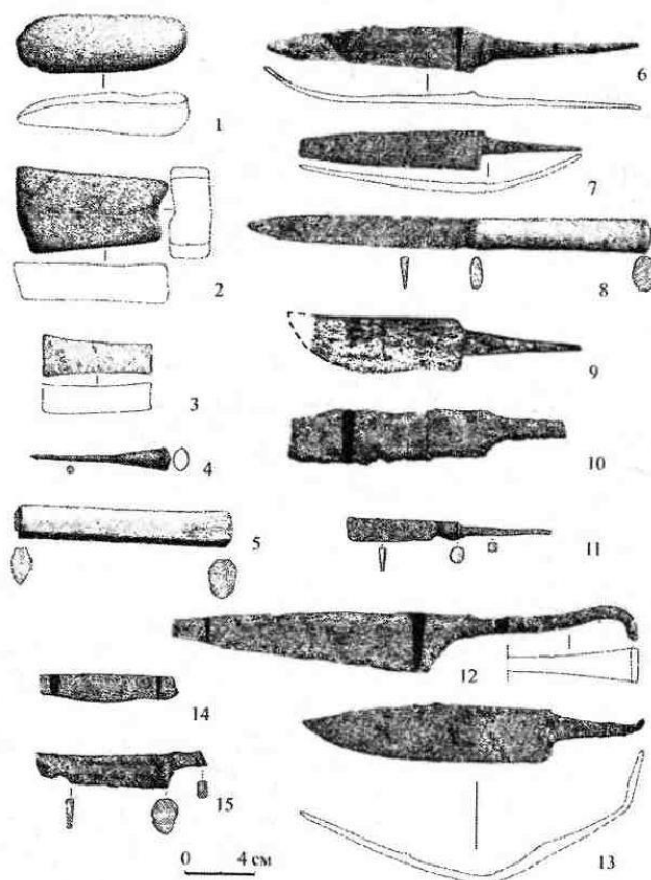

Рис. 28. Бытовой инвентарь селища Вёжи

1-3 – оселки; 4 – прошивка; 5 – ручка ножа; 6-14 – ножи. 1-3 – сланец; 4, 6-15 – металл; 5 – кость

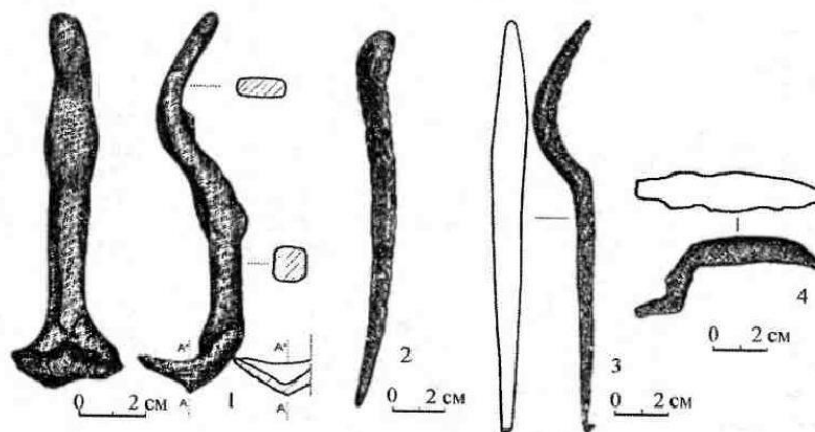

Рис. 29. Железные кочедыки селища Вёжи

1 – первый тип (по Б.А. Колчину), XIII-XVI вв.; 2 – второй тип, XV в.; 3-4 – кочедыки конца XVII в.

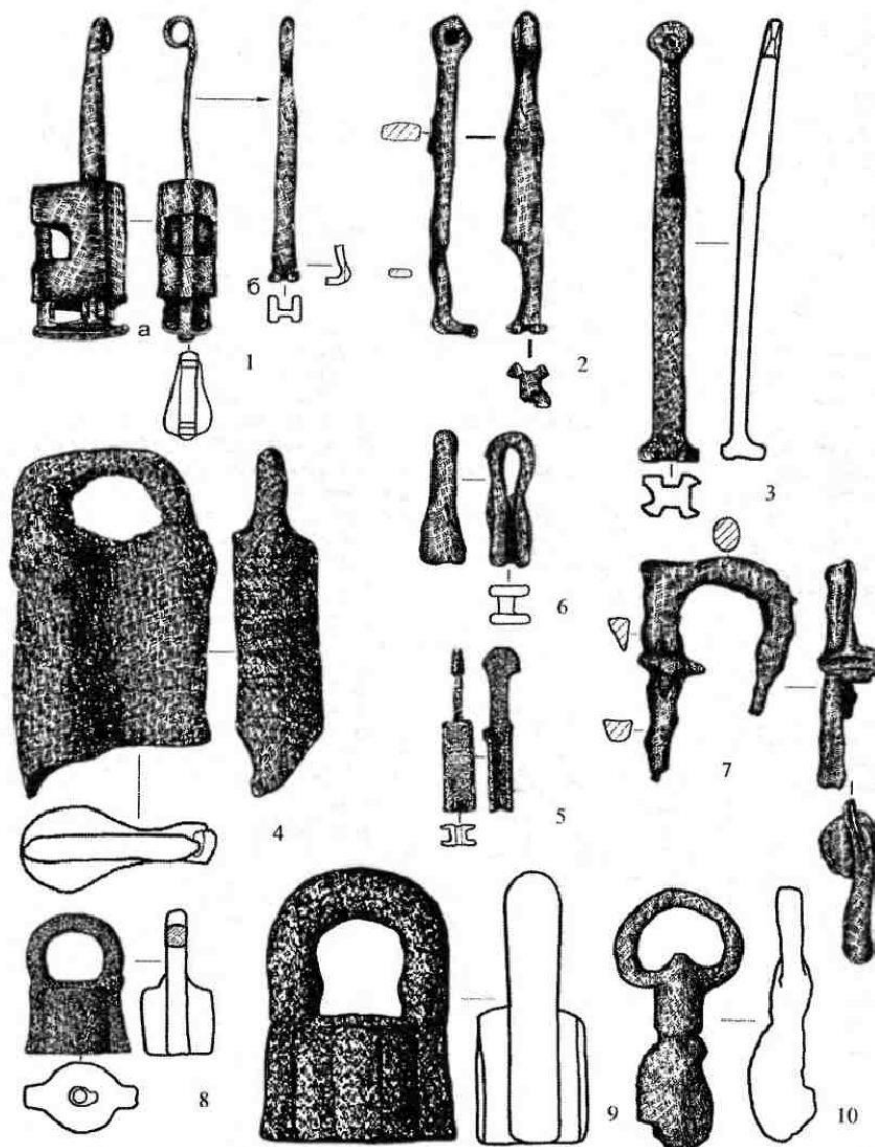

Рис. 30. Навесные замки и ключи к навесным замкам селища Вёжи
 1–2 – тип В-I (по Б.А. Колчину); 3 – тип В-II; 4 – тип Г; 5–6 – тип Д; 7 – тип Ж; 8–9 – навесные замки XVI–XVII вв.;
 10 – ключ к навесному замку XVI–XVII вв. 1–10 – металл. (1–4, 6–10 – подъемный материал; 5 – раскоп I, ярус 9)

Литература

Акты служилых землевладельцев XV–XVII вв. Т. I. М., 1998.

Алексеев С.И., 1995. История формирования городских территорий Костромы // Памятники истории и архитектуры Европейской России (исследование, реставрация, охрана). Нижний Новгород.

Алексеев С.И., 1998. Отчет об археологических исследованиях в г. Костроме в 1998 г. (раскоп Спас-Подвязный) // Архив ИА РАН.

Алексеев С.И., 1999. Археологические источники в контексте формирования территории г. Костромы в XII–XVIII вв. // Вестник Костромского государственного университета.

- ного университета имени Н.А. Некрасова. Вып. 2. Кострома.
- Алексеев С.И., 2001. Итоги археологических исследований в г. Костроме и Костромской области (1989–2000 гг.) // Вестник Костромской археологической экспедиции. Вып. 1. Кострома.
- Археология Костромского края / Под ред. А.Е. Лентьева. Кострома, 1997.
- Арциховский А.В., 1949. Раскопки на Славне в Новгороде // МИА. № 11.
- Белоруков Д.Ф., 2000. Деревни, села и города костромского края: материалы для истории. Кострома, 2000.
- Бломквист Е.Э., 1956. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. М.
- Даль В.И., 1995. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М.
- Донцов Э.К., Караськов Г.И., Щербинин П.П., 1991. Костромская резьба. Ярославль.
- Еремин Г., 1947. Географический очерк Костромской области. Кострома.
- Забелин И.Е., 1990 г. Домашний быт русских царей в XVI–XVII столетиях. М.
- Засурцев П.И., 1959. Постройки Древнего Новгорода // МИА. № 65. М.
- Засурцев П.И., 1963. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА. № 123. М.
- Зеленин Д.К., 1991. Восточнославянская этнография. М.
- Кабатов С.А., 1999. Отчет об археологических раскопках селища Вёжи Костромского района Костромской области в 1999 г. // Архив ИА РАН.
- Кабатов С.А., 2003. Печи селища Вёжи // Материалы XXXV Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. Йошкар-Ола.
- Кабатов С.А., 2004а. Сельская керамика Костромского Поволжья XIII–XVII вв. // Российская провинция в динамике исторического развития: взгляд из XXI века. Ч. II. Кострома.
- Кабатов С.А., 2004б. Отчет об археологических раскопках селища Вёжи Костромского района Костромской области в 2004 г. // Архив ИА РАН.
- Кабатов С.А., 2006. Кожевенное ремесло Костромского Поволжья XIII–XVII вв. // Вестник Костромской археологической экспедиции. Вып. 2. Кострома.
- Кабатов С.А., 2008. Отчет об археологических раскопках селища Вёжи (раскоп II) Костромского района, Костромской области // Архив ИА РАН.
- Кабатов С.А., 2009. Отчет об археологических исследованиях на селище Вёжи в 2009 г. // Архив ИА РАН.
- Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65. М.
- Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.
- Костромские губернские ведомости. 1856. № 3.
- Костромские губернские ведомости. 1856. № 40.
- Крживоблоцкий Я., 1861. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Костромская губерния. СПб.
- Мельниченко Г.Г., 1974. Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – начало XIII вв. Ярославль.
- ПВЛ. Ч. 1, 2. М.–Л., 1950.
- ПКК. Кострома, 2004.
- ПСРЛ, 1926. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Л.
- Рябинин Е.А., 1986. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.
- Салмина Е.В., 2005. Гидротехнические сооружения позднесредневекового времени на склонах р. Псковы (по данным Богоявленских раскопов 1999–2004 гг.) // История и археология Новгорода. Вып. 19. Новгород.
- Фасмер М., 1986. Этимологический словарь русского языка. М. Т. 1.
- Церкви Костромской Епархии. СПб., 1909.
- Чижикова Л.Н., 1997. Традиционные жилища восточных славян и некоторых других народов России. М.
- Шенников А.П., 1930. Волжские луга средне-волжской области. По материалам геоботанических исследований в 1914–21 годах в бывшей Симбирской губернии. Л.
- Шумаков С., 1903. Сотницы, грамоты и записи. Костромские сотницы 7068–7076 гг. Вып. 2. М.

S.A. Kabatov

Vyozhi settlement: a medieval Russian site in the Kostroma Volga region

Summary

The article gives a general description of the medieval rural settlement near the town of Kostroma (Upper Volga region). The site dates to the 14th – 20th cc. and is char-

acterized by well-preserved timber buildings and organic materials (bone, leather, etc), which have previously been found in urban centers only (Novgorod, etc).

ЮЮЮЮ